

Казакевич Эммануил

Старые знакомые

Эммануил Генрихович КАЗАКЕВИЧ

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Рассказ

Ба! Знакомые все лица!

"Горе от ума"

1

Утром, когда у нас за спиной всходило солнце, мы иногда обнаруживали немецкие наблюдательные пункты на западном берегу Одера. Косые солнечные лучи, озаряя зелень старых сосен, внезапно задерживались, трепеща, на чем-то блестящем, и что-то там на мгновение ослепительно вспыхивало.

- Энпе, - говорил, удовлетворенно покашливая, сержант Аленушкин.

Он нагибался над схемой немецкой обороны и ставил там маленький крестик. Потом он обращал ко мне свое обветренное красивое лицо и усмехался. Я никогда не видел, чтобы он смеялся, - он только усмехался всепонимающей, чуть покровительственной, дружелюбной усмешкой человека, не очень общительного, но очень доброжелательного и много испытавшего. Последнее неудивительно: много надо было испытать, чтобы дойти до Одера!

Не подозревая, что он явится когда-нибудь героем моего рассказа, я разговаривал с ним только о делах службы. И впоследствии я горько упрекал себя за то, что ни разу не беседовал с ним по душам. Когда же война кончилась, было поздно, потому что сержант Аленушкин погиб под Берлином в конце апреля.

Но в то время, о котором я пишу, - март 1945 года, - он был еще жив и удивлял меня своей поразительной зоркостью и почти непостижимой наблюдательностью. У него и глаза были орлиные - круглые, широко расставленные, серые, пронзительные, с очень маленькими острыми зрачками.

Прошлой зимой он, раненный на поле боя, обморозил себе обе ноги и теперь очень страдал от малейшего холода, но и об этом я узнал только впоследствии, после его смерти, со слов других разведчиков. Я вообще мало знал о нем, даже имя его мне было неизвестно, хотя мы проводили вместе добрых пятнадцать часов в сутки.

Это может показаться странным, но на войне такие вещи случаются часто. Люди целиком поглощены своим трудом, а все остальное кажется несущественным. О человеке ты знаешь мало, но зато самого человека ты знаешь хорошо. В мирных условиях порой бывает наоборот.

Для того, чтобы понаблюдать ранним утром за противником, мы отправлялись к переднему краю в кромешной темноте предутренних часов. Что может быть темнее фронтовой ночи в

хорошо дисциплинированном кадровом войске? Да там любую светящуюся гнилушку затопчут ногами, чтобы не светила. Если курят, то в обшлаг бездонного рукава, если читают газету, то в потаенной глубине трехнакатного блиндажа.

Вокруг - тихо и как будто безлюдно. Только иногда раздается негромкий окрик часового да слышится посапывание автомашины, перебирающейся вперевалку по горбату лесному просеку, да ветер гоняется за кем-то в кустах и, шурша, замирает вдалеке. Ничего не видно, хоть глаз выколи. Но стоит нагнуться немного - и ты различаешь на фоне густой черноты еще более темные очертания головы идущего впереди сержанта Аленушкина. Иди за ним смело - он и во тьме видит. Он тебя не предаст, и не оставит тебя раненого, и поделится с тобой табаком и хлебом - потому что он хороший солдат и к тому же знает, что и ты обойдешься с ним так же. И сердце наполняется нежностью к этому едва различимому в темноте светлому образу. В этой нежности, почти ранящей твою душу, есть и нечто тщеславное - ибо ты и себя считаешь не намного хуже его.

В одну из непроглядных мартовских ночей мы с Аленушкиным пришли в траншею переднего края. Расспросив, по обыкновению, пехотинцев о том, что случилось в течение ночи, мы закурили махорку в ожидании рассвета.

Было холодно, и Аленушкин, вероятно, страдал, но я об этом не знал тогда. Кто-то из пехотинцев предложил нам соломы, и чьи-то неизвестные добрые руки бросили нам из темноты несколько больших охапок. Мы зарыли ноги в сухую солому и продолжали ждать, молча прислушиваясь к негромким разговорам сидевших в траншее солдат.

Говорили тогда преимущественно об одном: о предстоящем наступлении на Берлин и окончании войны. То, что война кончается, понимали все, и это наполняло души безмолвным ликованием, которое ничем не выражалось вслух, но было заразительно, как болезнь. В глазах у людей в то время стояло выражение, какое бывает при влюбленности. В разговорах, однако, не проскальзывало ничего торжественного, наоборот, о близком окончании войны говорили как-то нарочито сухо, словно боялись, как бы не сглазить.

Кто-то из темноты сказал:

- Вчера газета писала - Аргентина, мол, объявила войну немцам. Ну, а ежели уж она объявила, - значит, Гитлер чувствует себя дюже плохо.

Другой солдат меланхолически отозвался:

- Потом скажут: и мы, дескать, пахали.

- Бабы без нас в деревне совсем замучились, - невпопад сказал кто-то, сидящий поодаль у пулемета. То ли он не расслышал, о чем идет разговор, то ли слово "пахали" вызвало у него совсем другую ассоциацию. Но это никому не показалось смешно. Все замолчали на минуту и потом заговорили о том, что хорошо бы у ж е т е п е р ь, то есть в марте, к посевной, вернуться на родину.

Между тем стало рассветать, и вскоре к нам подошли откуда-то сбоку два человека - майор и лейтенант. Они постояли рядом с нами, потом медленно пошли дальше по траншее. Я не знал этих людей, и в этом не было ничего удивительного - невозможно знать в лицо всех офицеров. Но когда они отошли от нас на несколько шагов, мне вдруг сделалось тяжело на сердце. Я не отдавал себе отчета почему. На людей этих я только мельком взглянул и, кажется, не отметил в них ничего странного или тем более зловещего. И все-таки было, видимо, нечто такое в окружающей их атмосфере, нечто неуловимо нервное в их поведении, отчего заныло, как бы в тяжелом предчувствии, мое сердце.

В это же мгновение Аленушкин встал, посмотрел им вслед и негромко, но повелительно,

крикнул:

- Стой!

Те остановились. Я помню, как сразу же замерли в соломе, устилавшей почти все дно траншеи, только что медленно шагавшие ноги в хромовых сапожках. А потом тот, что шел позади, - то был "лейтенант", - оглянулся на нас. Он бросил на нас взгляд наглый и в то же время затравленный, настороженный взгляд человека, готового, в зависимости от того, что он увидит, небрежно улыбнуться или бросить гранату.

Неизвестно, что бы он сделал, но нервы шедшего впереди "майора" не выдержали, и он, как-то неловко, пригнувшись, пустился бежать по ходу сообщения к лесу. Прогремела автоматная очередь Аленушкина, потом еще чья-то. "Майор" упал, а "лейтенант", пытаясь протестовать, запоздало возмутиться, даже прикрикнуть на "хулиганов", медленно поднял руки вверх.

В это время заработала немецкая артиллерия, - может быть, встревоженная стрельбой на наших позициях. Когда все стихло, мы повели задержанных в штаб дивизии.

Это были диверсанты, переодетые в советскую форму. Они ночью переправились через реку на лодке, затем берегом, прячась в камышах, проникли в наше расположение.

Они были одеты точно так, как полагается. Все - с иголки. Шинели и погоны - новенькие. Воротнички - беленькие. Пуговицы - ярко начищенные.

В этом заключался их первый просчет.

Несмотря на то, что дожди не шли в последнее время, они были мокрые по пояс. К сапогу одного из них прилипла длинная водяная травка. Правда, заметить сырость на темном шинельном сукне и травку на сапоге было бы не легко для менее зорких глаз, чем глаза Аленушкина. Но даже не в этом было дело. Главное, что, будучи совершенно мокрыми, они шли по траншее медленно, даже остановились возле нас на минутку - вроде интересовались, как дела, а ни слова не произнесли. Нельзя, промокнув до нитки, медленно ходить по траншее как бы для прогулки или для проверки.

В этом был их второй просчет.

И наконец, третье: нервы "майора" не выдержали.

Разумеется, нелегко немцу сохранить присутствие духа, отправляясь на диверсию в тыл противника на подступах к Берлину, когда "подвиг" бесполезен, как самоубийство.

Диверсанты на допросе не отпирались.

Они принадлежали к особой группе Отто Скорцени, штандартенфюрера СС. Группа эта находилась в районе города Шведт, куда была прислана для "проведения специальных мероприятий".

Что это были за мероприятия? Убийство из-за угла оставшего советского солдата, отравление колодца и поджог склада - подлая и мелкая работа, так же мало способная остановить натиск советских армий, как капля яда - отравить океан.

Тогда мы впервые услышали имя Отто Скорцени.

Отто Скорцени был начальником диверсионного отдела немецкой разведки, штатным убийцей германского генерального штаба, выдающимся специалистом по "мокрым" делам.

Это он похитил Муссолини из горной крепости, где дуче находился под охраной карабинеров маршала Бадольо.

Это он, Скорцени, организовал крупную диверсию во время Арденнского наступления немцев: переодев своих молодчиков в американские мундиры, он на американских "виллисах" мчался впереди наступающих немецких танков и безнаказанно убивал направо и налево захваченных врасплох американских солдат.

Его люди пытались организовать в Тегеране покушение на американского президента Рузвельта. Президент был спасен благодаря советским разведчикам, вовремя предупредившим о готовящемся покушении.

Все это самые выдающиеся факты из биографии штандартенфюрера. В обычное время Скорцени просто убивал. Он это делал в лагерях для военнопленных, в войсковых тылах армии противника и в самой Германии. Особенно много убивал он на территориях, оккупированных гитлеровскими войсками. Даже выдавшие виды немецкие эсэсовцы отзывались о Скорцени с почтением и с некоторой долей страха, ибо, если требовалось, он убивал и своих.

- Ну и тип? - с искренним недоумением сказал Аленушкин, узнав про все это. Он был взволнован и потом, вернувшись обратно на НП, как-то по-особенному пытливо наводил стереотрубу на леса противоположного берега, вглядываясь с бесконечным вниманием в очертания немецкого переднего края, в пустынные улицы полуразрушенного прибрежного селения.

Мы ни о чем не разговаривали, и только вечером, когда солнце закатывалось на западе, Аленушкин оторвал глаза от стереотрубы и досадливо сказал:

- Теперь ничего больше не увидишь. - Потом добавил: - Скорее бы уже наступление.

Наступление вскоре началось, и следы Скорцени затерялись. Группа Скорцени, среди других групп и дивизий 3-й немецкой армии генерала фон Мантейфеля, бежала на запад.

Эти молодчики Скорцени были, в общем, храбрые парни, ничего не скажешь, но как они бежали! Они бежали самозабвенно, забыв обо всем на свете, с большим знанием этого дела, почти с воодушевлением. Они бросили оружие и склад новенького советского обмундирования, которое наш дивизионный интендант, несмотря на всю его скупость, велел уничтожить, словно оно было зачумленное.

Резвее всех бежал сам Отто Скорцени. Это было уже не просто бегство, а какой-то пароксизм, припадочное состояние, выражающееся в очень быстром перебирании ногами. Если он и останавливался на секунду, то только ради того, чтобы припасть воспаленными губами к попадающимся на пути речкам и озерам. При этом он, как леди Макбет, наскоро мыл свои огромные руки, запятнанные кровью русских и французов, ибо, несмотря на свою столь поразительную резвость, он все-таки боялся, что русские преградят ему дорогу.

Чего греха таить, Отто Скорцени не желал попасть в русский плен. Дело в том, что он был глубоко убежден, что его у нас повесят. Можно даже сказать, что среди всех убеждений Отто Скорцени (а он был, как известно, человек с убеждениями), это убеждение было самым сильным.

Но куда бежать? Вот в чем весь вопрос.

Этот вопрос занимал не только Отто Скорцени, но и нас, грешных. Сержант Аленушкин, например, иногда говорил с оттенком мечтательности в голосе:

- Хорошо бы изловить этого Отту... Хотя ему и бежать-то некуда. Попадет к союзникам, те его тоже живо повесят.

Тем не менее Отто Скорцени бежал к англо-американцам. Может быть, он думал, что его не узнают, не заметят?

Вряд ли он это думал.

Отто Скорцени - убийца No 1, рост 1 метр 93 сантиметра. Лицо широкое, красное, все в рубцах.

Не заметить его нельзя.

И его заметили американцы. И они приголубили его.

2

- Как так американцы? - удивленно спросил бы сержант Аленушкин, будь он жив.

Он был бы глубоко озадачен и опечален, ибо он, как и все мы, шел навстречу своим союзникам с открытой душой. Я помню, как он радовался, когда союзники совершили высадку в Нормандии. Помню, как, узнавая всякий раз о том, что на нашем фронте появлялась то одна, то другая немецкая дивизия, переброшенная Гитлером с запада, он говорил:

- Ничего не поделаешь... Зато союзникам легче будет.

Когда мы начали за Одером брать первых пленных, показавших, что многие генералы бегут, желая сдаться не нам, а англо-американцам, Аленушкин пожимал плечами, поглядывая на меня с тревогой, но потом уверенно говорил:

- Какая разница! Суд будет один.

Под Ораниенбургом к нам ранним утром 23 апреля привели группу пленных. Мы их наскоро допросили на опушке роци. Я спросил, где теперь находится штаб армии и его командующий генерал Мантейфель. Пленный офицер Георг Нейман махнул рукой и устало сказал:

- Убежал... Наверно, уже у англичан...

Мы отправили пленных в тыл. Длинной вереницей, усталые и молчаливые, двинулись они по шоссе на восток. А мы пошли дальше на запад, туда, где завязывался новый бой на новом рубеже немецкой обороны.

В этом бою погиб сержант Аленушкин.

Его похоронили у перекрестка дорог, недалеко от большого озера. Над его могилой, увенчанной красной звездочкой, мы молча поклялись, что не забудем его и будем бороться, как и он, за справедливость на земле. Именно за это боролся сержант Аленушкин - Петр Иванович Аленушкин - так, оказывается, звали его; он был сыном крестьянина Владимирской области.

Мы положили Аленушкина в могилу, и его обмороженные, натруженные ноги нашли себе наконец покой.

Не думал ли кто-нибудь из нас впоследствии: "Ах, как умно и вовремя умер Петр Аленушкин! Ему не пришлось испытать жестоких разочарований, он ушел из жизни в разгар великого праздника, полный уверенности в светлом будущем мира. Какая, в сущности, прекрасная смерть на поле боя, в стане победителей!" Но мы сурово отметали от себя эти мысли слабых

- мы знали, что еще много радостного и трудного предстоит нам, и надо жить, чтобы довершить то, что начато.

Тем более что вокруг холмика с телом Аленушкина происходило непрерывное движение огромных масс людей, освобожденных от рабства, сотен тысяч и миллионов бездомных, угнетенных и оскорбленных.

В немецком городке высились кучи щебня вместо домов, зияли разбитые окна, беспризорные дети искали что-то на свалках.

Люди были голодны и печальны. И мы испытывали великую любовь ко всем этим людям, любовь, от которой глаза становятся горячими от подступающих слез, любовь, способную гнать плоты против течения, менять русла рек, великую любовь к людям, ради которой только и стоит жить на земле и называться человеком. Если ради нее придется быть суровыми, - мы будем суровыми, хотя бы наши сердца обливались кровью при этом.

А мы еще должны были проявлять суровость: впереди отступали, сражаясь, остатки немецких войск. Они сражались еще в силу ложного понимания дисциплины, в силу ненависти, которую долго и настойчиво вбивали им в головы. Но большей частью это уже были не войска, а одиночки несчастные, покинутые своими командирами, потерявшие веру в будущее. Уже не "фрицы", не солдаты, а люди. И это превращение солдат в людей, это тотальное поражение немецкой армии, как бы ни было оно для них мучительно и трудно, - оно было плодотворно. Оно таило в себе новый, победный путь-путь былой славы для великой нации, давшей миру Маркса и Энгельса, Томаса Мюнцера и Ульриха фон Гуттена, Кеплера и Лейбница, Баха и Бетховена, Гете и Шиллера, Гельмгольца и Рентгена, Планка и Эйнштейна.

Покинув могилу Аленушкина, мы пошли дальше, чтобы добить гитлеровскую армию.

Старшина Горюнов нес в носовом платке ордена и медали покойного и негромко рассказывал мне о нем нечто вроде надгробного слова.

- Что ж, - не спеша говорил старшина Горюнов, - Аленушкин был хороший парень. Мы с ним два месяца вместе воевали... Как вернулся из госпиталя, он у нас в роте все время. А раньше он воевал на Третьем Украинском фронте. Прошлой зимой он там орден Красного Знамени получил. Он захватил штаб 16-й мотодивизии немцев. Документы важные и генеральские штаны. Он мне рассказывал. Да... А потом участвовал в деле под Корсунь-Шевченковским. Там целую немецкую армию окружили. В этих боях Аленушкин подбил из противотанкового ружья пять штук танков. Это точно. Другому бы не поверил, а ему верю - очень хорошее зрение имел. Глаза соколиные прямо, честное слово. Он стрелял - так на лету попадал в монету. Я сам видел. И откуда у него такое? Сам он сын колхозника, кончил семилетку и работал то ли секретарем сельсовета, то ли в сельпо. В общем не бог весть что. Правда, рисовал хорошо. Когда мы на формировке стояли, он с нас всех портреты рисовал. Очень похоже. И книжки любил читать. Его хлебом не корми, а дай книжку в руки. Я ему даже говорил: брось читать, успеешь почитать после войны, еще зрение свое испортишь, а оно нужное теперь для родины... Семья у него в деревне, мать-старуха, брат младший и какая-то Ольга, не знаю точно - жена или невеста. Сам он никаких особых личных счетов к немцам не имел - не то что я, у меня и дом сожгли в Белоруссии, и старики и сынишка умерли с голоду в немецкой оккупации. У него этого не было. Но как человек партийный и понимающий обстановку, он исключительно фашистов ненавидел и прямо-таки здорово их громил. А так он был парень спокойный, нет чтобы поспорить с кем-нибудь или вообще. Нет, этого за ним не было совсем. Он был, можно сказать, человек стоящий, дисциплинка у него была хорошая. Не то что некоторые - раз ты храбрый разведчик и отличился в боях за родину, - значит, море по колено и сам черт не брат. Нет, этот был другой... Или чтобы там что-нибудь не выполнить... Нет, у него даже не могло такого и быть.

На этом старшина Горюнов закончил и отправился по своим делам в роту.

Позже, на рассвете, мне выдалась возможность поспать, но заснуть я не мог и почему-то думал главным образом о том, что если я после войны смогу написать что-нибудь стоящее, то Аленушкин уже не прочтает это. И опять горько сожалел о несостоявшихся ночных разговорах с этим человеком, который так много мог бы рассказать мне и никогда больше не расскажет. Кроме того, я испытывал угрызения совести, вспоминая, как часто холодными ночами заставлял его отправляться на передовую и страдать от боли в ногах, хотя мог бы вместо него посылать кого-нибудь другого.

Потом я в страшной тоске постарался не думать об этом. А темная комната пустынного немецкого дома, где я лежал без сна, понемногу наполнялась мутной серостью рассвета.

Какие документы захватил Аленушкин в прошлом году? Мне ли, разведчику, не помнить эту историю!

Шестнадцатая немецкая мотодивизия была в течение 1943 года трижды отмечена в сводках главной квартиры Гитлера. До того она участвовала в прорыве немцев на Сталинград - с целью выручить из окружения армию Паулюса. Группой войск, в которую входила 16-я мотодивизия, командовал генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн. Именно его послал Гитлер в тяжелый момент для прорыва к осажденному Паулюсу. Фон Манштейн постарался оправдать доверие Гитлера, но это ему не удалось, задуманный мощный удар был сорван, и дивизии "освободителей 6-й армии" побежали вспять под умелым руководством фельдмаршала фон Манштейна. Фельдмаршал проявил недюжинный талант по организации панического бегства с массовым оставлением противнику танков, орудий и даже аэродромов с самолетами. При этом он сделался известен также и истреблением десятков тысяч мирных граждан как вследствие своего плохого настроения, так и с похвальной целью неукоснительно выполнить соответствующие приказы фюрера.

Одной из дивизий Манштейна была и 16-я мотодивизия.

Среди документов, захваченных сержантом Аленушкиным и его товарищами, была толстая папка с перепиской под заглавием: "О самовольном оставлении командиром 16-й немецкой мотодивизии графом фон Шверин занимаемых позиций". Герхард фон Шверин действительно бросил свои позиции, и командир 30-го армейского корпуса генерал артиллерии Фреттер-Пико возбудил даже перед командующим 6-й армии (обновленной 6-й армии!) генерал-полковником Холлидтом ходатайство о привлечении графа к военному суду.

Граф фон Шверин с большим трудом сумел оправдаться, свалив вину на солдат, на бездорожье, на потери и на самого Фреттер-Пико. 15 февраля 1944 года граф написал генералу Холлидту слезное и весьма красноречивое письмо. Надо сказать, что у генерал-лейтенанта графа фон Шверин оказался довольно хороший слог, имеющий нечто общее со слогом библейских пророков в изложении немецкого профессора богословия начала прошлого века.

Генерал фон Шверин писал, между прочим:

"В 23.00 противник крупными силами, с криком "ура", перешел в атаку на высоту 81,5 южнее Михайловки, опрокинул стоявшую там на позициях зенитную батарею 9-й танковой дивизии и продолжал свой натиск в западном направлении. 306-й полевой запасной батальон, которому был поручен этот участок, никакого сопротивления не оказал...

Утром 3 февраля ко мне на командный пункт в Михайловке явился командир 156-го мотополка полковник Фишер с остатками своего штаба. Полковник доложил, что его полк, как уже было известно, за последние дни в ходе боев был оттеснен на восток и находится, вероятно, в окружении... Одновременно меня известили со станции Апостолово, что туда

прибывают крупные разрозненные отряды всех частей дивизии, - правда, без оружия и техники и в совершенно истощенном состоянии... Много машин было потеряно во время отхода из Михайловки на запад. Отступающая пехота потеряла свое последнее тяжелое оружие и боеприпасы...

Многие падали от истощения и оставались на дороге. В этих условиях солдаты оказались полностью дезорганизованными. Лишь на рассвете удалось у железнодорожного моста вблизи станции Трудовая собрать небольшое количество боеспособных солдат, которые добрались на нескольких уцелевших штурмовых орудиях. Это были человек сорок солдат 60-го мотополка...

Я намеревался удержаться на железнодорожной линии в надежде, что русские из-за глубокой грязи не смогут преследовать меня крупными силами... Выполнение этого плана потерпело неудачу".

Граф фон Шверин во главе остатков 16-й мотодивизии и 123-й пехотной дивизии, сведенных воедино в группу "Шверин" - по фамилии злосчастного графа, - с поразительной быстротой бежал на запад. 17 февраля 1944 года граф докладывал тому же Холлидту в еще более душераздирающих выражениях:

"...Сотнями брели эти люди по грязи, доходившей до колен. Они были лишены всякого руководства и двигались в том направлении, куда их вел инстинкт. Над ними витал дух катастрофы. Там, куда они приходили, распространялись паника и ужас. Всякое правильное управление войсками застопорилось и запуталось, так как с потерей штабных машин, а также машин с телефонным и радиоимуществом весь аппарат управления был выведен из строя... Эта жалкая беспомощность перед катастрофой приводит каждого, над кем бы такая катастрофа ни разразилась, все равно офицер он или солдат, в состояние шока".

Графа фон Шверин к военному суду не привлекли. Его спасло состояние шока, иначе говоря - неменяемое состояние, которое в юриспруденции вполне законно считается смягчающим обстоятельством.

Наши солдаты захватили также парадный мундир графа фон Шверин - не буду уподобляться грубому старшине Горюнову, назвавшему парадный мундир "штанами", - и походную его библиотечку, которая состояла из военно-исторических трудов, опуса Альфреда Розенберга "Миф XX столетия", сочинения А. Гитлера "Моя борьба" и нескольких детективных романов, а также набора парфюмерии парижского производства. Граф был культурный господин, но, придя в состояние шока, бросил часть своих культурных ценностей. Не будем его осуждать за это.

Такие документы и трофеи захватил сержант Аленушкин в районе Запорожья. Документы эти были опубликованы в сообщении Советского Информбюро, а трофеи, за исключением парадного мундира, давно уже сгнили в украинской земле. Парадный же мундир вынуждена была перешить себе на пальто старуха Горпина, ограбленная вверенными Герхарду фон Шверин и Эриху фон Манштейну войсками. Сукно оказалось хорошим и после перелицовки носится до сих пор.

Операцию под Корсунь-Шевченковским я тоже хорошо знал. Здесь попала в окружение почти вся 8-я армия немцев под командованием генерал-полковника Веллера. Начальником штаба состоял генерал-лейтенант Ганс Шпейдель. Этот видный гитлеровский штабист довольно умело сунул свою армию в "котел". Раньше он был больше известен расстрелами французских заложников. Он свирепствовал в Париже после разгрома Франции. Когда Адольф Гитлер прибыл в Париж, чтобы насладиться позором Франции, не кто иной, как г-н Шпейдель водил ефрейтора по французской столице и, между прочим, сопровождал его к гробнице Наполеона в Доме инвалидов. Пронырливый и ловкий шваб понравился

опьяненному победой и лестью безумному австрийцу и получил повышение - он был назначен начальником штаба германских оккупационных войск во Франции. За каждое покушение на немца штаб германских войск расстреливал от пятидесяти до ста заложников - французов и француженок. Нант, Бордо и Париж хорошо помнили генерала доктора Ганса Шпейделя. Помнят его и украинские крестьяне района Корсунь-Шевченковского по расстрелам и повальным реквизициям.

Впрочем, в Корсунь-Шевченковском мешке г-ну Шпейделю пришлось очень худо. 8-я армия была разгромлена. Посланные к ней на выручку три танковых дивизии не смогли прорваться. Неразбериха и паника царили в "котле". Шпейдель, заблаговременно улетевший из окружения, прилетел было обратно, чтобы выяснить обстановку, но ничего не выяснил, чуть не попал в плен и еле вскочил на самолет.

Аленушкин вдоволь насмотрелся на бегущих немцев. Жаль, что он не смог все досмотреть до конца.

Дивизии генерала Гассо фон Мантейфеля продолжали отступать примерно в таком же порядке, как год тому назад, отступали части Герхарда фон Шверин и Веллера - Шпейделя. Без руководства, оставленные на произвол судьбы своим командующим, они сражались, истекали кровью, сдавались в плен. Над ними витал дух катастрофы.

Генерал Гассо фон Мантейфель - внучатый племянник прусского фельдмаршала Эрвина Карла барона фон Мантейфеля, губернатора Эльзас-Лотарингии после франко-прусской войны 1870 года - был одним из любимых генералов Гитлера и со временем мог претендовать на пост своего почтенного предка. Он командовал отборной танковой дивизией "Великая Германия", отличившейся недавно, во время Арденнского наступления, убийством канадских и американских военнопленных, за что и получил повышение: был назначен Гитлером на пост командующего 3-й армией.

Командовать армией бедняге почти не пришлось. Вначале было некое подобие управления войсками: генерал отдавал приказы, ругал подчиненных, требовал держаться во что бы то ни стало, перемещал дивизии, полки, подбрасывал подкрепления. Но это продолжалось всего несколько дней. Потом все бросились в паническое бегство, и генералу фон Мантейфелю не осталось ничего другого, как возглавить этот порыв, этот бурный, непреодолимый "Дранг нах Вестен".

Да, "Дранг нах Остен" сменился "дрангом" в обратном направлении. Разумеется, этот дранг не имел завоевательных целей. Однако не надо думать, что он был вовсе бесцелен. Рядовые солдаты и офицеры бежали потому, что их гнали, но многие генералы бежали даже тогда, когда можно было еще держаться. Они бежали к новому хозяину. Конечно, они в то время не были еще уверены в том, что хозяин возьмет их к себе в услужение. Но чутьем опытных ландскнехтов они угадывали в будущем такую возможность.

И вот, в связи с этим, генерал фон Мантейфель, в то время как его солдаты еще дрались и умирали, отбыл в западном направлении. С решительностью, являющейся отличительной чертой знаменитого рода Мантейфель, он летел в штабной машине навстречу британским войскам гораздо резвее, чем они шли навстречу ему. Приходится с грустью констатировать, что он мчался не для того, чтобы приостановить вторжение островитян на территорию своей отчизны. Нет, он стремился к ним с целью срочно запросить британское командование: "Где здесь плен?" Он мог бы сделать этот запрос телеграфно, по телефону или по радио, используя новейшие достижения техники, но он не осуществил этого: у него не было уже ни телеграфа, ни телефона, ни радио - все имущество связи его штаба попало в руки наших войск.

Он бежал к англичанам, как к своим избавителям, он, в течение шести лет твердивший, что

англичане худшие враги немецкого народа, он, считавший, что главная ошибка Гитлера заключалась в том, что фюрер предпринял русский поход до того, как расправился с Англией.

Даже сейчас, стремясь в спасительное лоно британской армии, фон Мантейфель жалел о том, что все так глупо получилось. А ведь в Англии было бы вольготно! Можно было бы разрушать танками старинные готические здания, солдаты Мантейфеля насильствовали бы англичанок, жгли бы крытые черепицей английские деревеньки. В Англии и водных преград поменьше, и джентльменов побольше, чем в России. При отсутствии крупных лесных массивов облегчалась бы борьба с партизанами. А уже затем можно было бы ударить на Россию, имея обеспеченный тыл с хорошим английским правительством во главе с сэром Освальдом Мосли и лордом Хау-Хау, в составе лояльно настроенных мур-брабазонов.

Но теперь пришлось Мантейфелю попасть к англичанам не в качестве победителя и оккупанта, а всего лишь в качестве пленного. Правда, англичане приняли его с глубоким уважением. Родовитый господин очень импонировал британским любителям аристократической старины, тем более что он не побывал у них в качестве оккупанта.

3

Отто Скорцени попал к американцам. Не будучи титулованным бароном и не надеясь на аристократические сантименты американских демократов, он дрожал, как осиновый лист. Он впервые убедился в том, что и у него есть нервы. Он ежедневно ожидал суда и виселицы.

Но все шло тихо и мирно. Понемногу бывший штандартенфюрер опомнился от страха и даже стал панибратски подмигивать чинам американской охраны.

Скорцени жил в Дармштадтском лагере спокойно и сытно среди других эсэсовских деятелей топора и плахи. То, что людей, посылавших на Лондон самолеты-снаряды и торпедировавших американские торговые пароходы, кормили хорошо и культурно обслуживали, свидетельствовало о том, что евангельские заповеди не чужды и американским полицейским, и наполняло душу Скорцени (его теперь величали мистером Скорцени) глубоким удовлетворением. А он совсем было изверился в человеческом благородстве!

Однако Скорцени здесь вскоре показалось скучно. После столь бурно и интересно прожитой жизни Дармштадт казался ему дырой. Правда, тебя не убивают, - это хорошо. Но тебе и убивать не дают, - а это плохо. Кругом деревья, прекрасный старый парк, вороны кричат на тополях, - а работы нету. Столько месяцев прожить не убивая - тяжелое испытание для немецкого эсэсовца, пустая, бессмысленная, можно сказать - безыдейная жизнь.

Скорцени начал впадать в философическое настроение. Он даже дошел до таких вершин абстрактного мышления, что с полной объективностью ученого удивлялся глупости американцев, не понимавших, какое удовольствие имели бы они, убивая его, Скорцени. В своих размышлениях касался он также и вопросов естествознания. Например: как жаль, что человек не так живуч, как рыбы. У рыбы и живот распорешь, и жабры вырвешь, а она еще бьется. Человек - он устроен не столь совершенно, и его единственное преимущество перед рыбой - это то, что он кричит.

Бывшему штандартенфюреру тем невыносимее было находиться в лагере, что до него стали доходить интересные сведения. Радио - а лагерь в Дармштадте был хорошо радиофицирован - сообщало о событиях новейшего времени, о противоречиях в стане союзников. Чем острее становились эти противоречия, тем мягче и человечнее становился режим в лагере, тем более походил лагерь на хороший пансион для добропорядочных холостяков, тем слабее становилась охрана. К тому времени, когда англо-американские власти обнародовали известие о том, что денацификация в западных зонах окончена, лагерь в Дармштадте превратился в эсэсовский рай на земле.

Впрочем, мистер Скорцени не избежал суда. Но то был суд почти ангельский, американский суд. Покашливая и воровато оглядываясь, судьи оправдали бывшего эсэсовца и решили передать его немцам на предмет "денацификации". Но тут Скорцени, как вылупившийся из яйца птенец, решил отказаться от материнских забот американской лагерной наседки. Он почувствовал крылышки за спиной и улетел из Дармштадта. Это было весьма несложно в нынешних условиях, тем более что ему дали понять, что его услуги могут скоро понадобиться "при данной ситуации".

Вообще говоря, это темная история - бегство Скорцени из лагеря. Он ушел среди бела дня, словно его друзья из штаба оккупационных войск союзников надели на него шапку-невидимку.

Говорят, что в момент его бегства произошло феноменальное явление: послышался тихий плач деревьев от Волги до Луары - деревьев с толстыми крепкими суками, на которых должны были болтаться Скорцени, его коллеги и его покровители.

Отто Скорцени бежал в Аргентину.

Не правда ли, это звучит весьма романтично? Бегство из Дармштадта в дикие пампасы Аргентины. Скорцени действительно попал в пампасы, но он там не жил в ранчо и не мчался на мустангах. Он очутился в Кордобе, большом благоустроенном городе, хотя и расположенном, правда, в аргентинских пампасах. В городе стоял большой военный гарнизон с таким количеством немецких фашистов, офицеров вермахта всех рангов и родов оружия, что казалось, ты находишься в Лагер-Дебериц близ Берлина.

Да, это была та самая Аргентина, которая героически объявила Гитлеру войну в марте 1945 года, когда Скорцени уже вострил свои лыжи на Одере. Впрочем, Скорцени не обижался на Аргентину за это. Иначе нельзя было поступить в то время, и аргентинские офицеры только вздыхали, покачивали головами и любовно жали жесткие ладони немецких беглецов.

Отто Скорцени поместили в удобном доме, гостеприимные хозяева всячески ласкали бедного мученика за Германию, несчастного заключенного, пострадавшего от рук неблагодарных европейцев.

Парламентский лидер аргентинской радикальной партии Сильвано Сантандер заявил, что Отто Скорцени (теперь его величали синьором Скорцени) находится под защитой аргентинской армии и флота.

Не знаю, трудно ли было вооруженным силам Аргентины защищать Отто Скорцени, - во всяком случае, ни один волос не упал с его головы. Неизвестно, что было бы, если бы, например, Соединенные Штаты Америки решили начать войну с Аргентиной из-за синьора Скорцени. Но США отнюдь не собирались делать нечто подобное. Наоборот, американские офицеры запросто встречались с ним и уговаривали его ехать в Европу, где его услуги могут вот-вот понадобиться. Да, именно теперь! Когда Западная Германия уже, слава богу, "денацифицирована и демилитаризирована"!

Скорцени долго не решался на этот шаг, и видит бог, если бы его защищала только аргентинская армия, он так и не решился бы на него. Но убийцу осенили звезды и полосы американского флага. Он получил заверения. Были забыты тысячи убитых им американцев. Было забыто и покушение на Рузвельта, который и сам был теперь, "при данной ситуации", забыт.

И Скорцени появился в Европе - без стеснения, не пригибаясь, во всю длину своего выдающегося роста. В Париже он напечатал мемуары в "Фигаро", он завел дружбу с интеллигентными французами - даже с одним социалистом, чего мсье Скорцени никогда не ожидал в связи с тем, что самолично убил немало социалистов.

Потом он выехал наконец в Западную Германию.

Прекрасное зрелище открылось перед его глазами.

Если бы не города, разрушенные почти дотла английской и американской авиацией, если бы не обилие американских мундиров и американских товаров, можно было бы подумать, что ничего за эти годы не произошло.

Скорцени застал здесь сотни и тысячи друзей и однокашников, встречавших друг друга одним лишь словом "хайль", тактично опуская второе слово.

Скорцени повидался с гитлеровским рейхсминистром Вальтером Дарре, выпил пива с доктором Фриче.

В это же время на американском военном самолете прибыл в Германию из далекого Китая Вальтер Стеннес, когда-то фюрер берлинских штурмовиков, тоже очень знаменитый погромщик и убийца. В последнее время он работал начальником личной гвардии Чан Кайши. Бежал он из Шанхая за несколько часов до прихода туда китайской Народной армии. Американцы вывезли его на самолете, а британский верховный комиссар в Германии сэр Брайан Робертсон дал ему пропуск на въезд в английскую зону.

По всему чувствовалось, что наклеывается наконец работа.

Генералы Гитлера потихоньку совещались в разных высокопоставленных домах, засиживаясь там до поздней ночи. Стучали машинки, читались рефераты. На эти совещания приезжали из концентрационных лагерей на восьмицилиндровых "паккардах" и те генералы, которые отбывали заключение за бесчеловечные преступления во время войны. Генералов финансировал господин с лошадиной фамилией Пфердменгес, самый богатый человек в Германии, один из тех, кто привел Гитлера к власти. Сам Яльмар Шахт (Скорцени даже прослезился от умиления, увидев лицо маститого гитлеровского дядьки) был душой этих совещаний.

Шла тихая, но не очень скрытная возня, которая, как Скорцени сразу же с восторгом определил, являлась не чем иным, как подготовкой к восстановлению германского вермахта. Зарождался "коричневый рейхсвер", как когда-то после первой мировой войны зарождался рейхсвер "черный". Создавалась подпольная организация немецких офицеров "Брудершафт", как после первой мировой войны - такая же организация "Консул". И герр Скорцени радостно примкнул к этому движению. Нет, союзники не повесили его.

4

Итак, в Западной Германии создавалась германская армия. Писались меморандумы, составлялись мобилизационные планы, восстанавливались списки офицеров армии и СС. Разрабатывались заявки на оружие и боеприпасы. Обучались войска. Бывшие офицеры военно-воздушных сил и аэродромного обслуживания проходили курс обращения с американскими реактивными истребителями Ф-84. Военные заводы работали в три смены.

С течением времени работа по созданию "вермахта" расширялась. Началась идейная подготовка перевооружения. Кинофильмы и книги, посвященные реабилитации и возвеличению военных преступников, заполнили рынок. Страна кишела солдатскими обществами и эсэсовскими землячествами. Воспоминания гитлеровских генералов, мемуары горничных Гитлера, денщиков Роммеля, лакеев Геринга и троюродных братьев Геббельса запестрели на прилавках.

А потом настало время для открытого оформления германских вооруженных сил - "в рамках" Северо-Атлантического пакта. Кто же возглавит эту армию, кто же будет олицетворять

вооруженные силы "свободного мира"?

Ганс Шпейдель и Гассо фон Мантейфель, фон Шверин и фон Манштейн, эсэсовец Гилле и эсэсовец Скорцени и многие другие, чьи имена нам хорошо известны.

Они, наши старые знакомые, которых мы нещадно били, гнали, окружали и рассеивали. Те самые, которые бросили в беде свои войска и чинно сдали пистолеты и кортики американцам и англичанам. Те самые, которые разрушали наши города и жгли наши села. Те, которые, пользуясь своим военным авторитетом, внедряли в головы немецких солдат высокопарными фразами о долге преданность Адольфу Гитлеру, ненависть к человечеству.

Тише. Будем сохранять спокойствие. Не станем вспоминать теперь о сержанте Аленушкине и о других погибших друзьях. Ни слова более о пути от Сталинграда до Берлина - пути, политом нашей кровью.

Лучше посмеемся. Разве вас не разбирает смех при виде наших старых знакомых, этих современных героев, превзошедших по части быстроногости Ахиллеса, самого быстроногого из героев древности?

Господин Шпейдель, недавно с лакейским видом сопровождавший по Парижу г-на Гитлера, теперь развязно разгуливает по Фонтенбло с г-ном Монтоммери и г-ном Барбье и похлопывает их по плечу.

Вероятно, портные срочно шьют фон Шверину новый мундир взамен того, в котором бабка Горпина ходит к колодцу по воду.

Иногда после большого трудового дня, после инспектирования новых подразделений и встреч со своим начальством - американскими капитанами, немецкие генералы собираются у камина за кружкой пива и долго сидят молча, время от времени задумчиво вздыхая. Они вспоминают прекрасные времена Гитлера, громкие победы, отличия, приемы в имперской канцелярии в присутствии послов Муссолини, Хирохито и Франко... Фюрер жал руки своим генералам, отмечал их в своих сводках, жаловал им поместья и кресты.

Да, Адольф Гитлер любил этих парней. Он любил их, высоко ценил, хорошо содержал, а если иногда и сердился, и покрикивал, и бил их по морде, так это только как отец своих деток. Кто любит, тот наказует.

И будем говорить открыто - они тоже любили его.

С какой страстью пытаются они доказать обратное! Как упорно стараются обелить себя в книгах, письмах, декларациях, мемуарах! Оказывается, они были несогласны с политикой покойного Адольфа. Правда, это несогласие они выражали только перед своими супругами, и то в постели, шепотом. Преданность же ему они провозглашали гораздо громче, и отнюдь не в постели, а всюду и везде. Но это можно понять и, поняв, простить: какой супруг - даже если он престарелый генерал - не желает казаться в постели своей жене справедливым, решительным и сильным?

И все-таки смешно, что они отреклись от Гитлера! Ведь не будь его не была бы восстановлена военная промышленность, не возродилась бы армия, не началась бы война, и господа Мантейфель, Гальдер, Рунштедт, Манштейн и другие прозябали бы в неизвестности в качестве управляющих имениями, хозяев пивных лавок, надсмотрщиков на фабриках и шахтах!

Доктор Шпейдель был бы преподавателем истории в гимназии "Эбергард-Людвига" в Штутгарте. Фон Шверин состоял бы, максимум, как его покойный папа, полицей-президентом Ганновера или другого города и гонялся бы за Отто Скорцени, который был бы всего-навсего

обыкновенным уголовным убийцей. Покойнику Гудериану, человеку без рода и племени, пришлось бы, возможно, продавать на ручной тележке овощи и вместо "Achtung, Panzern"* кричать "Achtung, Ruben!"**.

---

* "Внимание, танки!" - сочинение генерала Гудериана.

** "Внимание, репа!" (нем.).

Нет, трудно из Александра стать Диогеном и сменить дворец на бочку. Зря они теперь так нехорошо отзываются о своем отце и благодетеле.

Впрочем, не надо их подозревать в низкой корысти. Не только себя стремятся они обелить, - они хотят оправдать всю немецкую военную касту, всю ее выгородить, подсластить, окружить святым ореолом ненависти к Гитлеру. Генерал-полковник Гальдер в одной своей книжонке, наспех сочиненной для этой цели, пытается окружить этим ореолом также и гитлеровского выкормыша Эрвина Роммеля. Более того, предпринимаются попытки превратить чуть ли не в антифашистов палачей города Парижа генерала Штюльпнагеля и генерала Шпейделя, убивших больше французов, чем все их коллеги - палачи города Парижа - от времени Гуго Капета до времен Адольфа Тьера. Убивая французов и француженок, они, оказывается, ненавидели Гитлера. Расстреливая заложников, они, оказывается, были ярыми противниками Гитлера!

Так ученики фюрера пытаются создать легенду о своей былой ненависти к учителю. Им оказывают в этом деле посильную помощь разные английские, американские и немецкие литераторы, военные и просто мошенники. Даже некоторые одураченные этой романтической версией писатели прогрессивного направления тоже, млея и сюсюкая, что-то такое бубнят об оппозиционности немецкого генералитета.

- Помилуйте, - бормочут они, - ведь военные организовали покушение на Гитлера в июне тысяча девятьсот сорок четвертого года!..

Это, положим, верно. Но в том-то и беда, что покушение было организовано только в июне 1944 года, когда во всей своей очевидности обозначилось поражение Германии. И еще: покушение на Гитлера было организовано для того, чтобы спасти дело Гитлера, в надежде договориться с Западом с целью уничтожить и залить кровью Восток; эмиссар фюрера, господин Гесс, допер до этой идеи на три года раньше господ генералов.

Нет, простите. Адольф Гитлер любил этих парней, и они обожали его.

Конечно, жаль, что многих уже нет, а иные далече. Потягивая пиво, сидят у камина наши старые знакомые и вспоминают своих коллег, которые не имеют возможности по разным обстоятельствам сидеть рядом и участвовать в общем, е р о п е й с к о м, дельце...

Повешены Кейтель и Иодль - "зря, зря, они быгодились теперь..." Погибли на русских равнинах такие столпы, как генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман, генерал пехоты Митт, генерал-лейтенант де Салленгре-Драббе, генерал пехоты Мюллер и многие другие. Ах, где теперь генерал Маттершток, командир 137-й охранной дивизии, сорвавший с себя погону и ордена и убежавший от русских однажды зимой? Где командир 106-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Форст, который самолично поджигал русские дома с запертыми в них жителями?

Да, многих нет, многих нет... Как говаривал Шиллер:

Сколько бодрых жизнь поблекла,

Сколько низких рок щадит...

Генералы курят трубки и глядят в камин, покашливают и опять вспоминают.

Какая невознаградимая потеря - смерть Генриха Гиммлера! Он был хотя и крупный негодяй, но весьма полезный при данной ситуации человек. В последний период войны он командовал армейской группой "Висла". Теперь можно было бы поручить ему командование армейской группой "Сена"...

Да, многих нет, многих нет...

Но вот генералы вскакивают - раздается отрывистый окрик американского лейтенанта:

- Хелло!

Опять начинается суэта, писанина, смотры войскам, списки, меморандумы, оперативные планы под затейливыми названиями вроде "Барбаросса" или "Морской лев"...

А американцы неистовствуют: вот вам деньги, вот вам оружие, только соберите побольше пушечного мяса, мы хотим мяса.

Да, да, американцы, дорогой друг Аленушкин, именно они.

Они воскрешают мертвых. Они гигантскими кранами, пыхтя и ругаясь, поднимают огромный, разбитый, параличный, бледный как смерть в своей железной каске и зеленом мундире, призрак генерального штаба германской армии. Его рыжие усики начинают топорщиться над прусскими тонкими губами; белесые, вылинявшие ресницы начинают удивленно моргать, а бесцветные злодейские глаза наливаются блеском и кровью. Руки размахивают, а длинные ноги, облаченные в американскую обувь, уже готовы выступить вперед гусиным шагом: "Achtung! Stillgestanden!"*.

---

* "Внимание! Смирно!" (нем.).

При звуке этих хорошо знакомых слов мне на память приходят другие слова, которые очень часто произносились русскими солдатами: "хальт" и "хендехох".

Знакомые, дорогие слова! Неужто они ни о чем не напомнят Ахиллесу фон Шверин? Неужто пятка, куда ушла геройская душа графа в былые дни, уже зажила, а сама бессмертная душа его опять водворилась на старое место?

Неужели эти слова так-таки ничегошеньки не говорят генерал-лейтенанту Гансу Шпейделю, хлебнувшему позора на украинской земле?

Неужели Мантейфель, этот баран в чине генерала, оставивший свои войска на произвол судьбы и удравший в плен, так уж воинственно настроен, что рвется в бой, оглушая мир грозным блеянием?

Неужели все наши старые знакомые позабыли своих старых советских знакомых?

Какой огромный путь прошло человечество от человекообразной обезьяны до гитлеровского генерал-лейтенанта! Почему же так мало души, так мало интеллекта, такая звериная узость мысли под этими лысыми черепами? Ведь они не могут не понимать, что война обрекает на смерть и истребление прежде всего немецкий народ. Не пехотная же рота из Коста-Рики и не взвод драгун из Доминиканской Республики обагрят своей кровью прекрасную землю Германии. Она снова будет полита немецкой кровью.

Нашим старым знакомым все это нипочем. Эгоистический расчет и подлое честолюбие, звериная злоба и звериная обида движет ими. Вот они, наши старые знакомые, глядите на них - генерал-полковник Павиан и генерал-лейтенант фон Шимпанзе! Мы знаем их повадки, их гримасы, их лицемерие и спесь, их трусость и наглость. Мы видели их лица и, что еще важнее - их тощие зады, когда они удирали от нас, потеряв... мундиры.

Барабанный бой раздается в Западной Европе. В Западной Германии опять начинается великое одурачивание Михеля. Неужели его проведут и на этот раз? Неужели Михель снова захочет стать "фрицем"? И неужели у других народов такая короткая память? Французский солдат будет служить под начальством Ганса Шпейделя? Томми будет подчиняться немецкой команде? Непостижимо!

Генералы Гитлера - народ многократно битый и потому - весьма терпеливый. Теперь они называют Германию неотъемлемой частью Европы. Скоро они снова будут называть Европу неотъемлемой частью Германии.

Так-то, друг Алenuшкин.

5

Приехав во Владимирскую область, я вдруг, неожиданно для себя самого, решил разыскать деревню, где родился и вырос сержант Петр Алenuшкин, побывать в этой деревне и посмотреть на людей, которые окружали его, и на землю, по которой он ступал до того, как стать солдатом.

С каждым днем мое желание становилось сильнее, и вскоре мне это стало казаться необычайно важным и полным особого значения.

Выяснилось, что деревня находится в Вязниковском районе, который ничем особенным не отличается от множества других районов. Он славится вишневыми садами. Через него протекает река Клязьма. Правый берег ее высок и живописен, левый - низмен, порос лесом и сочными лугами. Река здесь судоходна, и пароходики, оглашая протяжным воем окружающие леса, идут вниз до Оки и вверх до Мстеры.

В старину здесь работали богомазы, талантливые иконописцы, сбывавшие свой товар через бродячих разносчиков - офеней - по всей России.

Кроме того, район славится еще одним обстоятельством. Маленький городок Вязники, мало кому известный, и окружающий его небольшой район дали за войну двадцать пять героев Советского Союза, преимущественно летчиков. Как-то странно и трогательно было мне смотреть на спящих по деревням и по улицам городка стареньких женщин в шерстяных платках обычных русских женщин, как две капли воды схожих с теми, которые ходили по этим древним местам сто и двести лет назад, и думать о том, что эти старушки родили героев-летчиков, мастеров современной техники и что эти матери, у которых еще и иконы стоят в красном углу, обращают взоры в небо не с молитвой, а просто в ожидании своих сыновей.

Я пришел в деревню, где родился мой погибший товарищ, в погожий сентябрьский день.

Все колхозники работали в поле. Казалось, что деревня населена только курами, которые по-хозяйски ходили по улице, клевали, собирались вместе, опять расходились, исчезали в дворах и вновь появлялись. На меня они глядели довольно равнодушно, и я уселся на завалину, уже просто не понимая, зачем я пришел сюда и что я скажу людям. Мне теперь казалось, что зря я пришел. Мать Алenuшкина, может быть, уже умерла, а если и жива, то стоит ли растравлять старые раны, напоминать о событиях многолетней давности, о том, что было и былшем поросло.

Мимо прошел мальчик, и я спросил его, где здесь живут Аленушкины, на что он мне ответил, что полдеревни - Аленушкины. Тогда я пояснил, что я имею в виду тех Аленушкиных, у которых погиб сын на войне. Мальчик, подумав, ответил, что у нескольких Аленушкиных погибли сыновья на войне, и тогда я, смущенный и притихший, замолчал, а мальчик, постояв немного, ушел.

Вокруг стояла прекрасная осень. Деревья, как будто увешанные медными колокольчиками, колыхались под теплым ветром, и казалось, что листья сейчас зазвенят тонкими голосками - совсем тонкими у берез, пониже - у кленов и вовсе низкими - у лип. Прежде всех деревьев бурно и радостно желтеют клены. Их желтизна ярка до боли в глазах. Березы - те желтеют медленнее. Теперь они были еще желто-зеленые: зеленое ближе к стволу, а чем дальше от него, тем желтее. Ничего похожего на увядание не было в осеннем уборе деревьев. И в том, что тихая улица устлана желтыми листьями, тоже не было ничего печального. Просто происходил какой-то крайне необходимый жизненный процесс, не менее важный, чем все другие, и красота его была красотой непреходящей жизни.

Начало темнеть. По деревне прошло стадо. Гурьбой пронеслись барашки. Коровы, принадлежащие колхозникам, поодиночке заворачивали каждая в свои ворота, между тем как колхозные коровы горделиво продолжали свой путь дальше, к ферме. Зажглось электричество в домах и длинных конюшнях. Наконец появились и люди. Они появились сразу, и улица заполнилась ими мужчинами, женщинами и детьми.

Все не спеша разошлись по домам, и только одна молодая пара, словно и не уставшая за трудовой день, пошла по направлению к реке - он задумчиво теребил в руках желтую веточку, она тихо смеялась.

Теперь уже совсем стемнело, и я отправился разыскивать избу Аленушкина. Мне указали ее, и я вошел.

Мать сержанта была маленькая женщина, вся седая, но с моложавым коричневым лицом. Она не огорчилась из-за того, что я напомнил ей о сыне, напрасно я опасался этого. Напротив, она засветилась тихой радостью, узнав, что ее Петю любили и о нем помнят до сих пор. Я рассказал ей разные подробности фронтовой жизни ее сына, в том числе и то, как Петя громил части Шпейделя, захватил письма фон Шверин и опознал диверсантов Скорцени. А она, то и дело удивленно ахая, говорила как бы про себя:

- А он и не писал нам про это...

Мы посидели молча. Потом она спохватилась:

- Я самовар поставлю.

Она поставила самовар и снова села напротив меня, глядя мне в глаза пристальным и дружелюбным взглядом. Потом ее лицо вдруг сразу взмокло от слез, но она тут же вытерлась, стала готовить к столу и внезапно спросила:

- А будет война?

Я ей ответил как мог.

Она сказала, словно объясняя свой вопрос:

- Наш колхоз хорошо стал работать, на трудодни прилично получаем. Веселее стало жить...

Я спросил про Ольгу.

- Оленька вышла замуж... Не хотела сначала, все Петю не могла забыть. Уж я и то ее

уговаривала.

- А второй ваш сын где?

- Вася? - Она показала рукой на окно и замолкла, словно к чему-то прислушиваясь. Я тоже прислушался. Недалеко в темной ночи гудел трактор. Он рокотал не спеша, то приближаясь, то отдаляясь. Его рокот наполнял сердце необычайным спокойствием, словно делал уютными и домовитыми эти лесные пространства.

- Пашет, - сказала она. - Всю ночь будет пахать.

Позднее я вышел на крыльцо и долго прислушивался, как к музыке, как к любимому голосу, к ровному гуду одинокого трактора. Деревня уже уснула, электричество гасло то в одном, то в другом доме - и, наконец, вся деревня погрузилась в полную темноту - почти такую же, какая бывала на фронте, - а трактор все рокотал, рокотал, то отдаляясь, то приближаясь.

Утром Вася Аленушкин пришел домой. Он был очень похож на брата - те же поразительной зоркости глаза - круглые, широко расставленные, серые, пронзительные, с очень маленькими острыми зрачками. Зашли и другие колхозники - у многих из них на пиджаках висели ордена и медали, знаки нашей незабываемой молодости, свидетельства зрелого опыта и непобедимого боевого духа.

Это были простые и спокойные люди - солдаты и сержанты запаса.

1950 - 1955